

А. Е. Божедонова

Этимологическая характеристика наименований основных мастей лошади в якутском языке

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению этимологической характеристики наименований основных мастей лошади в якутском языке. Обращение к научной разработке проблемы обусловлено отсутствием в якутском языкознании этимологических исследований названий мастей лошади. Всего выявлено 170 наименований мастей лошади, в том числе 13 «основных» мастей, 120 «подмастей» и 37 «отметин». Новизна статьи определяется тем, что впервые исследуется этимологическая характеристика якутских названий основных мастей лошади. Предпринимается попытка выявления фонетических особенностей названий основных мастей лошади и рассматривается характер устойчивости и изменчивости лексических значений названий основных мастей лошади в якутском языке в сравнительном плане с другими тюркскими и монгольскими языками, с целью определить их этимологическую характеристику. Исходя из поставленной цели, в работе ставятся следующие задачи: сбор эмпирического материала исследования из лексикографических источников и от информантов; распределение их по «основным» мастям, «подмастям», «отметинам»; определение этимологической характеристики названий основных мастей лошади: тюркские и монгольские заимствования; рассмотрение устойчивости и изменчивости лексических значений названий мастей лошади в якутском языке в сравнительном плане с некоторыми тюркскими и монгольскими языками, рассмотрение фонологических особенностей названий мастей лошади в якутском языке в сравнительном плане с некоторыми тюркскими и монгольскими языками. Для достижения поставленной цели были использованы сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический методы, позволяющие выявить общее и специфическое в других тюркских и монгольских языках; количественно-статистический метод исследования, с помощью которого выводятся количественные и процентные показатели по основным результатам анализов. Анализ этимологической характеристики названий основных мастей лошади определил: тюркские заимствования – 6 (46%) (например, як. хара ‘вороной’, як. араҕас ‘соловая’, як. сур ‘мышастый’, як. тураҕас ‘гнедая’, як. көбөччөр ‘сивый’), монгольские заимствования – 5 (38%) (например, як. саалыр ‘буланный’, як. буурул ‘чалая’, як. чуобур ‘чубарый’, як. хоңор ‘игреневый’, як. күрэн ‘бурая’).

Ключевые слова: масть лошади, основные масти, якутский язык, монгольский язык, тюркские языки, этимологическая характеристика, сравнительно-сопоставительное исследование, лексико-семантические особенности, тюркские заимствования, монгольские заимствования.

DOI 10.25587/SVFU.2019.72.35051

БОЖЕДОНОВА Алла Евгеньевна – научный сотрудник НИИ Олонхо СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: bozhedonova2015@mail.ru

BOZHEDONOVA Alla Evgenievna – Science Employe, Research Institute Olonkho M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

A. E. Bozhedonova

Etymological Characteristics of the Names of the Main Colors Horses in the Yakut Language

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the etymological characteristics of the names of the colors horse in the Yakut language. Appeal to the scientific development of the problem due to the lack in the Yakut linguistics of etymological studies of the names of the colors of a horse. In total, 170 names of horse colors were found, including 13 “basic”. The scientific novelty of the article is determined by the fact that for the first time the etymological characteristic of the Yakut names of the main colors horse is determined. An attempt is made to identify the phonetic peculiarities of the names of the main horse colors and the nature of the stability and variability of the lexical meanings of the names of the main horse colors in the Yakut language is considered in comparative terms with other Turkic and Mongolian languages in order to determine their etymological characteristic. Based on the goal, the following tasks are put in the work: collection of empirical research material from lexicographic sources and informants; their distribution according to the “main” colors; determination of the etymological characteristics of the names of the main horse colors: Turkic and Mongolian borrowings; consideration of the stability and variability of the lexical meanings of names of horse's colors in the Yakut language in comparative terms with some Turkic and Mongolian languages, consideration of the phonological features of the names of horse's colors in the Yakut language in comparative terms with some Turkic and Mongolian languages. To achieve this goal, comparative and comparative and historical methods were used to identify the common and the specific in other Turkic and Mongolian languages; quantitative statistical method of research, with the help of which quantitative and percentage indicators are derived from the main results of analyzes. Analysis of the etymological characteristics of the names of the main colors of the horse determined: Turkic borrowings - 6 (46%) (eg, yak. khara ‘black’, yak. aragas ‘palomino’, yak. sur ‘grulla’, yak. turagas ‘bay’, yak. kogochor ‘gray’), mongolian borrowing – 5 (38%) (eg, yak. saalyr ‘buckskin’, yak. buurul ‘roan’, yak. chuogur ‘spotted’, yak. khonor ‘chestnut with flaxen mane and tail’, yak. kyran ‘liver-chestnut’).

Keywords: horse color, main colors, Yakut language, Mongolian language, Turkic languages, etymological characteristic, comparative study, lexical and semantic features, Turkic borrowings, Mongolian borrowings.

Введение

История возникновения и развития якутского языка является одним из недостаточно изученных вопросов в тюркологии. Данный вопрос всегда вызывал большой интерес среди исследователей, так как проблема исследования якутско-тюркских языковых контактов, в частности, изучение монгольских лексических элементов в составе якутского языка, является одной из важнейших в современной лингвистике, требующей комплексного и системного изучения с привлечением дополнительного материала из других родственных и неродственных языков.

В последнее время назрела очевидная необходимость ревизии, переоценки и усовершенствования ранее выдвинутых гипотез и предположений по вопросу исторического развития якутского языка и проблеме происхождения якутского

народа, а также истории переселения предков якутов и языковых контактов с другими родственными и неродственными языками. В этой связи особое значение имеет изучение наименований мастей лошади в якутском, тюркских и монгольских языках, т. к. лошадь в национальной картине мира данных народов имеет ключевое значение.

Наиболее оптимальным исследованием в этой сфере может служить этимологический анализ. О. Н. Трубачев отмечает: «Никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию» [1]. Э. В. Севортьян считает, что основной задачей и основным результатом этимологического исследования является выяснение строения исследуемой основы, ее древнейших форм, исходного морфо-семантического состава и значений или ее языковой принадлежности (происхождения). Он считает, что успешность анализа зависит от того, насколько окажется адекватной словообразовательной модели устанавливаемый морфемный состав исследуемой основы [2]. Происхождение имен прилагательных, описывающих масти лошади в якутском языке, частично было рассмотрено в работах Н. К. Антонова [3], Э. В. Севортьяна [2], В. И. Рассадина [4], но рассматриваемая языковая микросистема в якутском языке неподвергалась специальному этимологическому исследованию.

Табунное коневодство испокон веков занимает особое место в жизни якутов, поэтому лошадь в национальной картине мира народа Саха имеет ключевое значение, определяются не только как средство передвижения, но и как основной источник жизненной необходимости (еда, тепло, одежда и др.). Кроме этого, лошадь, по воззрениям якутов, имеет божественную сущность, как священное животное небесного происхождения, поэтому якутский язык имеет богатое количество названий разнообразных мастей лошади, количество которых насчитывается до 170, в том числе 13 «основных» мастей, 120 «подмастей» и 37 «отметин».

Материал и методы

Основу исследования составили следующие лексикографические источники: «Большой толковый словарь якутского языка» (Новосибирск: Наука, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017), «Этимологический словарь тюркских языков» Э. В. Севортьяна (М.: Наука, 1974, 1978, 1980, 1989), «Словарь якутского языка» (Ленинград: 1959), «Большой академический монгольско-русский словарь» (М.: Академия, 2001), «Древнетюркский словарь» (Л.: Наука, 1969), «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина (Бишкек: Шам, 2000), «Русско-алтайский словарь» под редакцией Н. А. Баскакова (М.: Советская энциклопедия, 1963), «Тувинско-русский словарь» (М.: Советская энциклопедия, 1968), «Русско-башкирский и башкирско-русский автословарь терминов животноводства» (Екатеринбург, 2011), «Большой русско-турецкий словарь» (М.: «Дом Славянской книги», 2009), «Большой казахско-русский словарь» К. Бектаева (Бишкек: Алтын Кызына, 2007), «Краткий русско-туркменский словарь» (Ашхабад: «Блым», 1968), «Монгольско-русский словарь» Ю. Кручкина (Улан-Батор: 2000), «Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский» (СПб.: Дрофа, 2005), «Хакасско-русский словарь» (Новосибирск: Наука, 2006), «Уйгурско-русский словарь» (М.: Советская энциклопедия, 1968), «Шорско-русский и русско-шорский словарь» (Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1993), «Русско-карачаево-балкарский словарь» (М.: 1965), «Русско-азербайджанский тематический словарь» (М.: T&PBooks Publishing, 2013). Некоторые названия мастей лошади были зафиксированы также в беседе с информантами (18 человек).

Использованы следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический методы, позволяющие выявить общее и специфическое

в других тюркских и монгольских языках; количественно-статистический метод исследования, с помощью которого выводятся количественные и процентные показатели по основным результатам анализов. Предпринимается попытка выявления фонетических особенностей названий мастей лошади и рассматривается характер устойчивости и изменчивости лексических значений названий мастей лошади в якутском языке в сравнительном плане с другими тюркскими и монгольскими языками.

Предметом исследования выступает этимологическая характеристика названий мастей лошади в якутском языке. Мы ставили перед собой следующие задачи: сбор эмпирического материала исследования из лексикографических источников и от информантов, распределение их по «основным» мастям, «подмастям», «отметинам»; определение этимологической характеристики названий основных мастей лошади: тюркские и монгольские заимствования; рассмотрение устойчивости и изменчивости лексических значений названий мастей лошади в якутском языке в сравнительном плане с некоторыми тюркскими и монгольскими языками; рассмотрение фонологических особенностей названий мастей лошади в якутском языке в сравнительном плане с некоторыми тюркскими и монгольскими языками.

В данной статье подвергаются этимологическому анализу названия основных мастей лошади в якутском языке. Имена прилагательные, описывающие масть лошади, рассмотрены по происхождению: имеющие тюркские корни, монгольские заимствования. Проведен анализ фонетических особенностей данных названий якутского языка в сравнении с их соответствиями в других родственных и неродственных языках (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских).

Тюркские заимствования в якутских названиях мастей лошади

Е. И. Убрятова отмечает, что своеобразие якутского языка всегда требовало сравнения каждой его детали с аналогичными материалами других тюркских языков [5]. Н. К. Антонов в своей работе «Материалы по исторической лексике якутского языка» рассматривает происхождение группы терминов по коневодству. Автор утверждает, что большинство названий мастей лошади в якутском языке относятся к тюркским основам [3]. По результатам нашего анализа мы предполагаем, что следующие якутские названия основных мастей лошади относятся к тюркским языкам (тюркизмы):

1. як. хара 'вороной'. Ср.: др.уйг. kaga, алт. кара 'вороной' [5, с. 68], карач.-балк. къара 'вороной' [6, с. 82], тур. yağız 'вороной' [7, с. 58], тат. qaqa, ср. тюрк. qaqa, узб. qoq, уйг. kaga, dial. qare, азерб. gaga [8, с. 22], шор. qaqa [9, с. 86], казах. kaga [10, с. 524], баш. qaqa [11, с. 17]. Очевидно, здесь мы имеем дело с пратюркским производным *qara. Наблюдается соответствие согласного в анлауте [к-х]. В этимологическом словаре тюркских языков якутская основа хара имеет только одно значение – 'черный', хотя, лексические параллели в других тюркских языках, кроме 'черного' имеют и второе значение 'вороной'. Этот факт для нас является инетересным, потому что в словаре якутского языка Э. К. Пекарского и в Большом толковом словаре якутского языка зафиксировано второе значение якутской формы как 'вороной'. Также следует отметить о том, что среди коневодов слово хара используется как термин, обозначающий наименование вороной масти лошади. В VII-XIII вв. в древнетюрком языке использование лексем хара в значении 'вороной' не наблюдается. В этой связи можно предположить о том, что слово хара в значении 'вороной', по всей вероятности, стало использоваться вследствие языкового контакта с русскими, у которых термин, обозначающий данную масть наблюдается во многих древнерусских письменных памятниках (например, центральный герой русских былин святорусский богатырь Илья Муромец имел вороного коня. Отрывок из былины «Три поездки Ильи Муромца» «Прочная, ладная, незамысловатая сбруя вороного коня. Или лишь слегка отсвечивает на необъятной груди серым металлом, а сбруя Добрыниного коня радует глаз позолотой тонких украшений».

В монгольском языке слово *qar* до настоящего времени не употребляется в значении ‘вороной’, первое значение которого определено как ‘чёрный, темный’. В тунгусо-маньчжурской группе языков лексические параллели рассматриваемой лексемы в значении ‘черный’ представлены следующим образом: эвенк. *koŋnoŋin*, эвен. *qon*. Таким образом, исходя из вышесказанного, можно отметить о том, что в монгольских и тунгусо-маньчжурских группах языков, аналогичные формы якутской хара в значении ‘вороной’ не используются. Известно, что контакты тюркских народов с русскими были наиболее развитыми и близкими, по сравнению с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими народами. Использование общетюркской основы *qara* (як. хара) в значении ‘вороной’ является следствием тесных языковых контактов с русским народом, т. е. по всей вероятности, можно предположить о том, что слово *qara* в обозначении вороной масти лошади стало использоваться в XVII в. или после данного временного периода. Итак, исходя из проведенного анализа, мы полагаем, что якутское слово хара ‘вороной’ заимствовано из тюркских языков;

2. як. араҕас ‘соловая’. Слово араҕас имеет 2 лексических значения: первое – ‘светло-желтый’, второе – ‘соловая (о масти лошади)’. В якутском языке отдельного термина, представляющего данную масть лошади, нет, как и в других тюркских языках. Ср.: турк., уз. диал. са:ры ‘рыжий’, тур., гаг. сары ‘рыжая’, азер., кум., кирг., каз., ног., тат., уз. диал. сал ‘рыжая’, чув. сарă ‘сивый’, кум., кум. диал. сари ‘желтый’, баш. хары ‘желтая’, баш. диал. сару ‘желтая’, уйг. диал. сарыҕ ‘желтая’, узб. сариг ‘желтая’, хак. диал. шарыҕ ‘соловая’, чув. шура ‘соловая’ [12, с. 220]. В этимологическом словаре тюркских языков значение светло-желтая и соловая представлены как са:ры. Как отмечается в словаре, наличие в якутском языке вариантов *сарт*, *са:рт*, *сар* [13, с. 2109] с начальным *с-* и конечным *-т*, которые явно свидетельствуют об отсутствии связи этого слова с корневой основой *ar (коррелятивной тюрк. *са:рыҕ*), представленной в як. араҕас ‘светложелтый’ и ары: ‘масло’ [12, с. 214]. *<тюрк. *сарыҕ* ‘желтый’+*-ас* (исторически уменьшительный аффикс) =*сарыҕас>араҕас; их считают уменьшительными, но есть и мнение о том, что *-ҕас*, *-аҕас* ‘открытый’, *кэбэҕэс* ‘податливый’ и т. д. обозначает признак как результат действия [12, с. 82]. В монгольском языке значение соловая представлена как шарга [14, с. 1220]. Как отмечается в словаре, тюрк. са:ры<са:рыҕ обычно сопоставляют с монг. *siḡa* ‘желтый’, считая эти формы прародственными или рассматривая монг. *siḡa*, тюрк. *saz* ‘бледный’ [12, с. 220]. Мы полагаем, что як. араҕас ‘соловая’ заимствовано из тюркских языков;

3. як. сур ‘мышастый’. В этимологическом словаре тюркских языков слово сур ‘мышастая’ представлено как су:р в значении ‘серый’. В других тюркских языках данное значение: ср.: турк., уз. диал. су:р ‘коричневый’; кир., каз., уз. диал. сур ‘серый’, алт. сур ‘светло-серый’, кум. сүр ‘серый’, баш. диал. хүр ‘коричневый’, баш. диал. сур ‘коричневый’, тат. диал. сур ‘светло-серый’, тат. суры ‘светло-серый’, баш. хүрү ‘коричневый’, чув. сәрә, сәр ‘серый’. И. Лауде-Циртаутас полагает, что сур восходит к более старому суру, в котором произошло выпадение конечного гласного [12, с. 360]. Как замечается в словаре, слово не отмечено в ранних письменных памятниках, ареал его ограничен, в якутском языке представлен начальный *с-*. Все эти факты, по мнению ученого, свидетельствуют в пользу заимствованного характера слова, однако источник заимствования не установлен. Предполагается, что, возможно, слово су:р следует соотнести с *saḡar*, представленной в письм. монг. *saḡaral* ‘серый, пепельный (о масти)’. Э. В. Севортян сравнивает структуру и развитие *saḡur* с основой *buḡur>bu:ḡ>buḡ* ‘чалый’ (~монг. *buḡurḡul*, *buḡurḡal*), комплекс *ауи* в современном монг. языках может давать и, т. е. *saḡur>su:ḡ* на монгольской почве вполне реально [2]. В монгольском языке значение мышастая представлено как *саарал* ‘серый, пепельный, грязный мышастый’. Н. К. Антонов считает як. сур общетюркским словом [3]. Полагаем, что данное слово является тюркизмом;

4. як. тураҕас ‘гнедая’. В древнетюркском словаре значение слова ‘гнедая’ представлено как *toḡuḡ* [15, с. 578]. Н. К. Антонов як. тураҕас относит к тюркским

названиям мастей лошади [3, с. 33]. Ср.: тат., башк, туры, казах., ног. торы, кирг. тору, уйг. торус, узб. турик, тур. дору, туркм. дор, тув. доруг, чув. тура, др.-тюрк. торыгъ 'гнедая', ср. также саг. тор, крм. тор // тору 'гнедая', 'бурый', 'гнедая' кьараторат 'темно-гнедой с черной гривой' *кызыл тор* ат 'светло-гнедая лошадь' [16, с. 1182]. В монгольском словаре значение 'гнедая' представлено как хээр [14, с. 504]. Предполагаем, что як. тураҕас 'гнедая' является тюркизмом;

5. як. көҕөччөр 'сивый'. В этимологическом словаре тюркских языков значение 'сивый' имеет ряд названий, обозначающих различные оттенки цвета и разное толкование: гёк 'голубой, синий, голубый лазурный, лазоревый, синий, зеленый, седой, сивый, сизый, чалый, темно-серый'. Ср.: башк., тат., узб. куьк 'сивый', казах., к.-калп. коьк 'серый', ног. коьк 'серая лошадь', коьк, кум. гёк 'синий', др.-тюрк. көгүш, көкиш, көкшин, көкчин – серый [12, с. 220]. В монгольском языке данное значение дается как бор [14, с. 402]. Полагаем, что як. көҕөччөр 'сивый' является тюркизмом;

6. як. элэмэс 'пегий, пеганый'. В этимологическом словаре тюркских языков Э. В. Севортяна значение 'пегий, пеганый' представляется как ала. Ср. турк., тат., кар., кум., кир., каз., ног. ккал., баш., уйг., алт., хак., тув. ала 'пегий' [12, с. 129]. Э. В. Севортян отмечает, что исходная основа данного слова в формах *alan~alar* (<соответственно *ala - + *-n*, *ala-+*-r*) 'разноцветный, пестрый, свет, рассвет'. В монгольском языке данное значение представлено как алаг 'пегий, пестрый'. Полагаем, что данное слово является тюркизмом.

Итак, по результатам проведенного анализа, можно прийти к выводу, что из 13 основных мастей лошади 6 (45%) названий имеют тюркские корни. Сохранение лексического значения наименований наблюдается в 5 (83%) случаях: як. хара 'вороной', як. тураҕас 'гнедая', як. араҕас 'соловая', як. элэмэс 'пегий, пеганый', як. көҕөччөр 'сивый'. В значении слова як. сур произошло неустойчивое лексическое изменение. В нашем случае сур обозначает *мышастую* масть, а в других тюркских языках во многих случаях имеет значение *серый*. В коневодстве под *серой* мастью подразумевается *белый* цвет, так как нет такого понятия как *белая* лошадь. В якутском языке для обозначения *серой* масти используется слово *манан* 'белый'. Данная масть является подмастком *сивой* 'көҕөччөр' и не является основной мастью.

Монгольские заимствования в якутских названиях мастей лошади

Гипотезу о нетюркском происхождении якутского языка впервые выдвинул В. В. Радлов, разделив историческое развитие якутского языка на три этапа, где якутский рассматривается как наречие монгольского языка. Предложенная идея В. В. Радлова не нашла сторонников. Но при этом в работах исследователей тюркских и монгольских языков – Е. И. Убрядовой, В. И. Рассадина, С. Т. Калужинского, Н. К. Антонова, П. А. Слепцова, Г. Г. Левина, С. Д. Егиновой, А. Е. Шамаевой отмечаются моменты определенного влияния монгольского языка на историческое развитие якутского языка. А. И. Гоголев отмечает длительные якутско-бурятские (монгольские) контакты в Прибайкалье с середины I тыс. н.э. [17]. Он подчеркивает, что в результате данного контакта, кроме заимствованных в якутском языке монголизмов, основная часть тюркизмов в бурятском языке была заимствована из пра якутского языка. По мнению В. И. Рассадина, в период с XIII по XIV (даже до XVI) вв. произошло мощное влияние какого-то неустановленного восточномонгольского языка на якутский язык [4, с. 90]. По всей вероятности, это основное соприкосновение произошло на Верхней (в курыканское время) и Средней Лене с уже освоившими край монголоязычными племенами, с которыми якуты могли сосуществовать в условиях двуязычия длительное время [4].

Таким образом, вопрос отношения монгольского языка к историческому развитию и происхождению якутского языка до сих пор остается дискуссионным. В этой связи особое значение имеет изучение наименований мастей лошади в якутском и монгольском языках, т. к. большая часть якутской скотоводческой и коневодческой лексики была

заимствована из монгольского языка. По результатам нашего анализа предполагаем, что следующие якутские названия основных мастей лошади относятся к монголизмам:

1. як. саалыр ‘буланный’. В монгольском языке значение ‘буланный’ представлено как хүрэн, который обозначает сразу две масти: первое – ‘бурый (о масти)’, второе – ‘тёмно рыжий (о масти)’ [14, с. 1057]. Само слово як. саалыр с фонетическими изменениями встречается в монгольском языке ср. монг. саарал [14, с. 45]. Наблюдается ротацизм, т. е. переход звука [l] в [r]. Однако данные слова также отличаются оттенками семантики. По нашим данным, саалыр ‘буланный’, саарал ‘серый, пепельный, грязный мышастый’. Как отмечает В. И. Рассадин, якутское слово саалыр по всей вероятности, является поздним заимствованием из монгольского языка [4, с. 1057]. Данный критерий свидетельствует о монгольском происхождении слова, когда в тюркские языки (в нашем случае в якутский) слово вошло в каком-либо одном значении (в нашем случае только как масть ‘буланный’), зачастую в переносном, в то время как в монгольских языках это слово имеет все свои основные прямые и переносные значения: монг. саарал ‘1. Sege – серый, пепельный, грязный (о цвете); мышастый (о масти); 2. Segere – замедление, остановка; убавление, сокращение’. Значение ‘буланный’ встречается и в других тюркских языках. Ср.: алт. кула ‘буланный’ [5, с. 39], карач.-балк. саргъылдым ‘буланный’ [6, с. 52], тур. Işık defne [7, с. 52], тув. кола ‘буланный’ [18, с. 302], туркм. меле ‘буланный’ [19, с. 47], тув. ак-кула ‘буланный’ [18, с. 227], кирг. ак кула ‘буланный’ [20, с. 470], казах. кула сүр ‘буланный’ [10, с. 515], баш. кола [21, с. 13], уйг. кула ‘саврасый’ [22, с. 39]. Как отмечает В. Даржа название масти кула ‘буланный’ в тюркских языках произошло по аналогии с названием масти диких ослов – куланов [23]. В. Даль указывает, что «...буланая масть свойственна дикой лошади, кулану или тарапану». Он утверждает, что «лося также зовут буланным по масти» [24, с. 140], так как слово булан в древнетюркском обозначает лось [15, с. 121]. В. Даржа предполагает наличие тюркского корня в названии буланой масти, булан ‘лось’ действительно светло-желтого, песочного цвета, как и буланая масть, но, с одной стороны, он сомневается, что русское слово буланный тюркского происхождения, т. к. сами тюрки называли данную масть кула, ак-кула. Мы поддерживаем мнение В. Даржа о том, что в тюркских языках слово кула возникло по аналогии с названием масти диких ослов – куланов. Предполагаем, что так как у якутов не было ослов, они не имели аналога для названия данной масти, поэтому заимствовали из монгольского языка.

2. як. буурул ‘чалая’. В монгольском языке значение ‘чалая’ представлена как буурал. Отмечается сохранение монофтонгов в первом слоге [уу~уу]. Э. В. Севортян отмечает, что более древней формой основ является монг. буурал // буурал ~ буурал ‘серый, сивый’, степенями ее фонетической эволюции являются бу:рул и далее бурул. Форма бу:рул – из бу:рул с делябиализацией узкого губного гласного. То же касается бурыл – из бурул. Ккал. форма був^орыл – из був^оурыл, составляющей переход от бугурул к формам чалый [2]. По семантическому критерию В. И. Рассадина, предложенному для определения заимствований из монгольского в тюркские языки, як. буурул, по всей вероятности, является поздним заимствованием из монгольского языка. Данный критерий свидетельствует о монгольском происхождении слов, когда в тюркские языки (в нашем случае в якутский) слово вошло в каком-либо одном значении (в нашем случае только как масть лошади), зачастую в переносном, в то время как в монгольских языках это слово имеет все свои основные прямые и переносные значения: монг. буурал ‘1. седина; 2. седой, поседелый; чалый (о масти); 3. депрессия, понижение, снижение, упадок’. Интересно, что такое обозначение чалой масти сохранилось у тюркских народов. Ср.: алт. буурыл ‘чалый’ [5, с. 830], карач.-балк. бурул ‘чалый’ [6, с. 699], тур. meşin [7, с. 52], тат. бурлы ‘чалый’ [25, с. 227], уйг. бурул ‘чалый’ [23, с. 219], тув. буурул ‘чалый’ [21, с. 164], башк. бурыл [11, с. 91]. Предполагаем, что в данных языках обозначение чалой масти заимствовано из монгольского языка. В некоторых тюркских языках обозначение данной масти произошло

от другого слова: узб. гоап [19, с. 50], туркм. гуг ‘чалый’ [26, с. 87], хак. хыр ‘чалый’ [20, с. 895]; тув. кыр ‘1) чалый 2) игрневый’ [25, с. 200], кирг. роун ‘буланный’ [21, с. 92], казах. раушан ‘чалый’ [10, с. 515]. В этимологическом словаре тюркских языков Севортяна данное слово представлено как ‘бурлы’ в значении ‘чалый (о масти лошади)’ – во всех источниках кроме тувинского. Все значения, вошедшие в словарь, относятся к масти крупных домашних животных. Более древней формой основ можно считать бугурул, свидетельствующими ступенями ее фонетической эволюции являются бу:рул и далее бурул. Форма бу:рыл – из бу:рул с делабиализацией узкого губного гласного. То же касается бурыл – из бурул.; ккал. форма був^орыл – из був^оурыл, состоящей переход от бугурул к формам чалый [1]. По нашим материалам, як. буурул ‘чалая’ является монголизмом.

3. як. чуофур ‘чубарый’. Данное слово в якутском языке, возможно, было заимствовано из средневекового монгольского языка в XIII-XIV вв. Значение ‘чубарый’ в монгольском языке представлено как цоохор ‘1) пёстрый, пятнистый, рябой; конопатый; корявый; зернистый; чубарый (о масти лошадей)’ [14, с. 1133]. Сохранение шипящего среднемонгольского аффриката [ч] в якутском языке является характерной особенностью средневекового монгольского языка. В монгольском языке данный аффрикат подвергся изменению и в современном монгольском представлен как смычно-щелевой [ц]. А также наблюдается изменение ауслатных гласных в долгие вокальные элементы [уо~оо]. Якутская масть чуофур ‘чубарая’ обозначает наличие мелких пятнышек на белом фоне или белые пятнышки на темном (см. рис. 6). В монгольском языке данная масть используется в нескольких значениях: а) наличие круглых мелких пятен; б) полоса вдоль хребта; в) наличие рябины; г) наличие конопатости. Значение ‘чубарый’ встречается и в других тюркских языках. Ср.: туркм. сурар [19, с. 513], тув. шокар [18, с. 227], каз. шубар [10, с. 676], баш. сыбар [21, с. 92], балк. кьолан [6, с. 53], алт. чоокыр ‘чубарый’ [27, с. 839], хак. чубарый [26, с. 218]. Данное слово в якутском языке, возможно, было заимствовано из монгольского языка.

4. як. хоңор ‘игрневый’. Данное слово в якутском языке, возможно, было заимствовано из монгольского языка. По мнению В. И. Рассадина, одним из показателей монгольского заимствования в якутском языке является инлаутное соответствие монг. элемента [нᠭ] к як. [ң] с сужением лексического значения: монг. хонгор ‘буланный, светложелтый, саврасый каурый’ // як. хоңор ‘игрневый’. Значение игрневый в монгольском языке представлено как цавьдар [14, с. 1110]. Якутское хоңор по значению более близко к тюрк. хонур, хонурлук, хоор – желто-бурый, каурый, темно-серый. Ср.: др. уйг. ‘игрневый’ [19, с. 41], алт. чалдар ‘игрневый’ [27, с. 213], хак. сабдар ‘игрневый’ [26, с. 422], тув. шавьдар ‘игрневый’ [18, с. 400], тув. кыр ‘1) чалый 2) игрневый’ [18, с. 200], карач.-балк. ‘игрневый’ [6, с. 52], тат. чаптар ‘игрневый’ [20, с. 227], турк. меле ‘игрневый’ [19, с. 47], кирг. ‘игрневый’ [20, с. 470], казах. ‘игрневый’ [10, с. 515], баш. саптар ‘игрневый’ [11, с. 28], уйг. кула саврасый [22, с. 39]. По видимому, название якутской масти хоңор ‘игрневый’ унаследовано из монгольского языка.

5. як. күрэң – ‘бурая (о масти лошади)’. В монгольском языке значение ‘бурая’ представлено как хүрэн, который обозначает сразу две масти: первое – ‘бурый (о масти)’, второе – ‘тёмно-рыжий (о масти)’ [14, с. 1057]. Наблюдается соответствие анлаутного согласного [х~к]. В лексическом значении як. күрэң наблюдается сужение значения слова. В отличие от монгольского якутское слово күрэң ‘бурая’ означает определенную масть, в которой туловище и голова лошади имеют каштановый цвет или цвет жженого кофе, а грива и хвост темнее, с примесью черных волос. Бурая лошадь якутской масти часто имеет темный ремень вдоль хребта. Монгольский же вариант, кроме бурой масти, означает также коричневую и темно-рыжую масти.

В ходе исследования на основе лексикографических источников было выявлено 5 (38%) якутско-монгольских лексических параллелей, обозначающих масти лошади. По всей вероятности, они являются заимствованными из монгольского языка. Сохранение лексического значения наблюдается в 3 (60%) случаях: як. буурул ‘чалый’, як. чуоҕур ‘чубарый’, як. күрэн ‘бурая’. В значении якутских слов саалыр ‘буланный’ и хоңор ‘игренивый’ произошли закономерные лексические изменения. Они отличаются тем, что обозначают виды разных мастей лошади. В связи с тем, что рассматриваемые якутско-монгольские формы имеют похожую структуру с закономерными фонетическими изменениями и относятся к одной тематической группе терминов мастей лошади, рассматриваются как лексические параллели.

Кроме тюркских и монгольских заимствований в названиях якутских мастей лошади наблюдаются «слова с неустановленной этимологией»:

1. як. кугас ‘рыжий’. В этимологическом словаре тюркских языков значение кугас рыжий представлено как күрен. В якутском языке слово күрэн обозначает бурую масть. Как отмечается в этимологическом словаре тюркских языков, күрен употребляется в тюркских языках главным образом для обозначения масти лошадей и передает оттенки коричневого, переходящего в красноватый. Он считает, что данное слово заимствовано в тюркские языки из монгольских. В тюркских языках Сибири – алт., хак., тув., як. – күрен выступает как определение к обозначениям различных животных и некоторых предметов [12, с. 147]. Следует отметить, что из тюркских языков только в якутском языке значение рыжая представлено как кугас. Якутская основа кугас в значении *рыжая* имеет рефлекс в пратюркском языке *-jegre-n*, где корнем является *jegre*, а -n аффикс, поэтому во всех тюркских языках имеются лексические параллели. Ср.: тат. жирэн ‘рыжий’ [12, с. 22], уйг. жирэн ‘гнедой’ [22, с. 23], алт. йерен ‘рыжий’ [27, с. 839], башк. йїрен ‘рыжий’ [11, с. 92], шор. чярэн ‘рыжий’ [27, с. 36], чув. с’үрен ‘рыжий’ [12, с. 22], туркм. йегрен ‘рыжий’ [12, с. 22], саг. чиг(і)рен ‘рыжий’ [12, с. 22], кирг. жейрен ‘рыжий’ [20, с. 331], узб. жийра^он ‘рыжий’ [12, с. 22], казах. жїйрен ‘рыжий’ [12, с. 22], алт. йе:рен ‘рыжий’ [27, с. 839].

Н. К. Антонов отмечает, что к масти кугас ‘рыжий’ сходных соответствий нет, но во многих тюркских языках рыжую масть называют кыһыл ‘красный’. Поэтому он полагает, что кугас имеет общую основу с кыһыл, т. е. является производным от *кыс* «краснеть» + с *кыһас>куһас>кугас* со значением «красноватый» [3]. Кроме этого в монгольском языке значение рыжая представлена как улаан. В якутском языке слово улаан обозначает светло-серую масть. Рассматриваемые лексические параллели имеют одинаковую структуру [VCVC] и фоноструктурные типы [VCV:C], но отличаются тем, что обозначают виды разных мастей лошади. Интересным фактом является то, что в якутском языке слово улаан обозначает светло-серую масть. Рассматриваемые лексические параллели имеют одинаковую структуру [VCV:C] и похожие фоноструктурные типы, но отличаются тем, что обозначают виды разных мастей лошади. В связи с тем, что рассматриваемые якутско-монгольские формы имеют одинаковую структуру с закономерными фонетическими изменениями и относятся к одной тематической группе терминов мастей лошади, як. *улаан* // монг. улаан, як. саалыр // монг. саарал, як. хоңор // монг. хонгор, як. сырдык саалыр // монг. цагаан саарал рассматриваются как лексические параллели. Интересным для нас представляется тот факт, что лексема «улаан» зафиксирована только в якутском и монгольском языках, в других тюркских языках отсутствует термин «улаан», обозначающий какой-либо вид масти лошади. В тунгусо-маньчжурских языках данное значение дано как хутама, игдыама, игдыарин;

2. як. сиэр ‘саврасая’. В этимологическом словаре тюркских языков значение саврасая представлено как кула ‘светло-желтая, саврасая’. В других тюркских языках ср.: др. тюрк. qula, тур. kula, тат. qola, ср. тюрк. qu, узб. qula, уйг. qula, туркм. qula, хак. xula,

ойр. qula, чув. хь^вla, тув. qula, казах. qula, баш. qola, гагауз. qula. В словаре отмечается, что, вероятно, кула этимологически связано с кулан 'дикий осел, дикая лошадь' и образовалась на монг. почве, где имеет место утрата ауслатного н (кулан>кула) [12, с. 122]. Кроме этого, в монгольском словаре значение 'саврасая' (масть) представлена как 'хул' [28, с. 1017].

Итак, из 13 якутских названий основных мастей лошади 2 (15%) слова относятся к «словам, к которым не найдена этимология». Это объясняется тем, что в других тюркских и монгольских языках данное название не зафиксировано и не имеет аналогичных форм. Многие названия мастей лошади в якутском языке по своему этимологическому составу являются заимствованиями, что отражает общую картину, свойственную лексическому составу якутского языка, подвергавшемуся иноязычному влиянию в разные периоды истории.

Количество названий основных мастей лошади в якутском языке составило 13 названий, в том числе тюркские заимствования в якутских названиях мастей лошади – 6 (46%), монгольские заимствования – 5 (38%), «слова к которым не найдена этимология» – 2 (15%). Итак, мы полагаем, что к тюркским заимствованиям в якутских названиях мастей лошади относятся: як. хара 'вороной', араҕас 'соловая', сур 'мышастый', тураҕас 'гнедая', көҕөчөр 'сивый'. Все данные названия имеют соответствия в других тюркских языках и совпадают по фонетическим признакам. Это объясняется сохранением основы в якутском языке: хар, сур, тураҕ, көк. Сохранение лексического значения отмечается в 3 названиях мастей лошади, только в одном значении слова як. сур произошло неустойчивое лексическое изменение. Из зафиксированных 13 якутских основ, имеющих параллели в монгольском языке, 38%, по всей вероятности, являются заимствованными из монгольского языка: саалыр 'буланный', буурул 'чалай', чуоҕур 'чубарый', хоңор 'игренеый', күрэн 'бурая'. Это объясняется сохранением в якутском начального [с] (як. саалыр // монг. саарал); сохранением среднемонгольского шипящего аффриката [ч], соответствующего современному [ц] (як. чуоҕур // монг. цоохор (ср. монг. чоохор); сохранением полногласия кратких слогов, характерного для средневекового монгольского языка (як. күрэн // монг. хүрэн) и др.

Заключение

В результате сравнительного анализа выявлено, что лексико-семантические особенности якутско-монгольских рефлексов, устойчивость лексических значений отмечается в 3 (60 %) параллелях. Заметные лексические изменения наблюдаются в 2 (40%) случаях. Лексемы приобретают новые значения, теряя старые. По результатам нашего анализа, к «словам, к которым не найдена этимология», относятся 2 наименования. Якутские слова **кугас** 'рыжий', **сиэр** 'саврасая' не имеют рефлексов в других языках. Этимологический анализ лексических единиц, обозначающих наименования основных мастей лошади в якутском языке, позволил выяснить, что наибольшее количество заимствованных слов данной лексико-семантической группы проникло в якутский язык из тюркских языков.

Литература

1. Трубачев О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика / О. Н. Трубачев // История советского языкознания: Некоторые аспекты общей теории языка: Хрестоматия / Сост. Ф. М. Березин. – 2-е изд. М.: Высшая школа, 1988. – С. 272-273.
2. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978.
3. Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Якутское кн. изд., 1971. – 174 с.
4. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 115 с.

5. Убрятова Е. И. Историческая грамматика якутского языка. – Якутск, 1985. с. 45.
6. Русско-карачаево-балкарский словарь. – М.: Эльбрус, 2008. – 165 с.
7. Большой русско-турецкий словарь. – М.: ООО “Дом Славянской книги”, 2009. – 608 с.
8. Русско-азербайджанский тематический словарь. – М.: T&PBooksPublishing, 2013. – 200 с.
9. Шорско-русский и русско-шорский словарь. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1993. – 149 с.
10. Калдыбай Бектаев Большой казахско-русский словарь. – Астана: Алтын Қазына, 2007. – 703 с.
11. Ахмедьянов Р. А., Ахмедьянов И. Р. Русско-башкирский и башкирско-русский автословари терминов животноводства. – Екатеринбург: 2011. – 202 с.
12. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л-М-Н-П-С. – М.: Восточная литература, РАН. – 2003. – 446 с.
13. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. – Л.: изд-во АН СССР, 1959 – 1260 с.
14. Большой академический монгольско-русский словарь. – Т.1, II, III, IV. – М.: Academia, 2001. – 520 с.
15. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с
16. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. – Т.2. – Ч.1. – СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1899. – 1814 с. (2-е изд. фотомеханич. М.: Изд-во восточной литературы, 1963).
17. Гоголев А. И. – Якуты: Проблемы этногенеза и формирование культуры. – Якутск, 1993. – 200 с.
18. Тенишев Э. Р. Тувинско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1968 – 648 с.
19. Краткий русско-туркменский словарь. – Ашхабад: Ылым, 1968. – 527 с.
20. Русско-киргизский словарь. – М., 1957
21. Ахмедьянов Р. А., Ахмедьянов И. Р. Русско-башкирский и башкирско-русский автословари терминов животноводства. – Екатеринбург: 2011. – 202 с.
22. Уйгурско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 829 с.
23. Даржа В. К. Лошадь в традиционной практике тувинцев кочевников. – Кызыл: Тувинское книжное изд. им.Ю.Ш. Кюнзегеша, 2014. – 184 с.
24. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.]. – 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. – Т. 1-4. – Санкт-Петербург; Москва: т-во М. О. Вольф, 1903-1911.
25. Карманный русско-узбекский словарь. – Самарканд: Народный дом, 1899. – 63 с.
26. Хакасско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2006
27. Шорско-русский и русско-шорский словарь. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1993. – 149 с.
28. Баскаков Н. А. Русско-алтайский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 2012. – 875 с.28.
29. Монгольско-русский словарь. – Монг.: Улан-Батор, 2013. – 1260 с.

References

1. Trubachev O. N. Etimologicheskie issledovaniya i leksicheskaya semantika / O. N. Trubachev // Istoriya sovetskogo yazykoznanija: Nekotorye aspekty obshchej teorii yazyka: Hrestomatiya / Sost.F. M. Berezin. – 2-e izd. M.: Vysshaya shkola, 1988. – S. 272-273.
2. Sevortyan E. V. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov: obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «B». M.: Nauka, 1978.
3. Antonov N. K. Materialy po istoricheskoj leksike yakutskogo yazyka. – YAkutsk: YAkutskoe kn. izd., 1971. – 174 s.
4. Rassadin V. I. Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskih tyurkskih yazykah. – M.: Nauka, 1980. – 115 s.
5. Ubryatova E. I. Istoricheskaya grammatika yakutskogo yazyka. – YAkutsk, 1985. s. 45.
6. Russko-karachaevobalkarskij slovar'. – M.: El'brus, 2008. – 165 s.
7. Bol'shoj russko-tureckij slovar'. – M.: ООО “Dom Slavyanskoj knigi”, 2009. – 608 s.
8. Russko-azerbajdzhanskij tematicheskij slovar'. – M.: T&PBooksPublishing, 2013. – 200 с.
9. SHorsko-russkij i russko-shorskij slovar'. – Kemerovo: Kemerovskoe kn. izd-vo, 1993. – 149 s.
10. Kaldyбай Bektaev Bol'shoj kazahsko-russkij slovar'. – Astana: Altyn Qazyна, 2007. – 703 s.
11. Ahmed'yanov R. A., Ahmed'yanov I. R. Russko-bashkirskij i bashkirsko-russkij avtoslovari terminov

zhivotnovodstva. – Ekaterinburg: 2011. – 202 s.

12. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy L-M-N-P-S. – M.: Vostochnaya literatura, RAN. – 2003. – 446 s.

13. Pekarskij E. K. Slovar' yakutskogo yazyka. – L.: izd-vo AN SSSR, 1959 – 1260 s.

14. Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. – T.1, II, III, IV. – M.: Academia, 2001. – 520 s.

15. Drevnetyurkskij slovar'. – L.: Nauka, 1969. – 676 s

16. Radlov V. V. Opyt slovary tyurkskih narechij. – T.2. – CH.1. – SPb.: tip. Imp. akad. nauk, 1899. – 1814 s. (2-e izd. fotomekhanich. M.: Izd-vo vostochnoj literatury, 1963).

17. Gogolev A. I. – YAkuty: Problemy etnogeneza i formirovanie kul'tury. – YAkutsk, 1993. – 200 s.

18. Tenishev E. R. Tuvinsko-russkij slovar'. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1968 – 648 s.

19. Kratkij russko-turkmenskij slovar'. – Ashkhabad: Ylym, 1968. – 527 s.

20. Russko-kirgizskij slovar'. – M., 1957

21. Ahmed'yanov R. A., Ahmed'yanov I. R. Russko-bashkirskij i bashkirsko-russkij avtoslovari terminov zhivotnovodstva. – Ekaterinburg: 2011. – 202 s.

22. Ujgursko-russkij slovar'. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1968. – 829 s.

23. Darzha V. K. Loshad' v tradicionnoj praktike tuvincev kochevnikov. – Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izd. im.YU.SH. Kyunzegesha, 2014. – 184 s.

24. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka: [v 4 t.]. – 3-e izd., ispr. i znach. dop., izd. pod red. [i s predisl.] prof. I. A. Boduena-de-Kurtene. – T. 1-4. – Sankt-Peterburg; Moskva: t-vo M. O. Vol'f, 1903-1911.

25. Karmannyj russko-uzbekskij slovar'. – Samarkand: Narodnyj dom, 1899. – 63 s.

26. Nakassko-russkij slovar'. – Novosibirsk: Nauka, 2006

27. SHorsko-russkij i russko-shorskij slovar'. – Kemerovo: Kemerovskoe kn. izd-vo, 1993. – 149 s.

28. Baskakov N. A. Russko-altajskij slovar'. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 2012. – 875 s.28.

29. Mongol'sko-russkij slovar'. – Mong.: Ulan-Bator, 2013. – 1260 s.

Список использованных языков

Азер. – азербайджанский

Алт. – алтайский

Балк. – балкарский

Баш. – башкирский

Баш. диал. – башкирский диалект

Гаг. – гагаузский

Др. тюрк. – древнетюркский

Др. уйг. - древнеуйгурский

Каз. – казахский

Карач.-балк. – карачаево-балкарский

Кир. – киргизский

Кум – кумыкский

Монг. – монгольский

Ног. – ногойский

Саг – сагайский

Ср. монг. – среднемонгольский

Ср. тюрк. – среднетюркский

Тат. – татарский

Тат. диал. – татарский диалект

Тув. – тувинский

Тур.- турецкий

Турк. – туркменский

Тюрк. – тюркский

Уз. – узбекский

Уз. диал. - узбекский диалект
Уйг. – уйгурский
Уйг. диал. – уйгурский диалект
Хак. Хакасский
Хак. диал. – хакасский диалект
Чув. – чувашский
Шор. – шорский
Эвенк. – эвенкийский
Эвен. – эвенский
Як. – якутский

